

Т. Г. Лазарева

ИСТОРИЗМ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

В ранней научной прозе, представленной предисловиями и комментариями к народным балладам Шотландского Пограничья (1802–1803) и средневековому роману «Сэр Трестрам» (1804), Вальтер Скотт выработал новый стиль исторического повествования. Серьезный анализ фактов, изложенных ярким образным языком, привлек внимание широкой публики к историческому дискурсу и эстетической ценности неклассической поэзии.

T. Lazareva

HISTORICISM IN WALTER SCOTT'S EARLY WORKS

In prose introductions and commentaries to old ballads for the “Minstrelsy of the Scottish Border” (1802–1803) and to the old romance “Sir Tristrem” (1804) Walter Scott worked out a new style of historical narration. His serious approach to facts combined with great imagination let him draw public attention to the historical discourse and esthetic value of the non-classical poetry.

Взгляды Вальтера Скотта, зачинателя принципов историзма в литературе, формировались под влиянием двух мощных интеллектуальных движений XVIII в. — Шотландского Просвещения и Кельтского Возрождения. В Шотландии, униженной в национальном достоинстве после Унии с Англией 1707 г., оба движения приобрели особо острую направленность.

Шотландские просветители соревновались с английскими учеными во всех областях гуманитарных наук и гордились тем, что их идеи во многом определили развитие философии, истории, права, литературы. В области истории, в частности, в тру-

дах так называемой Шотландской школы (Робертсона, Фергюсона, Миллара и др.) формировался новый метод историописания, известный под названием «философской истории».

Сторонники «философской истории» создали первую в европейской культуре секуляризованную концепцию истории и метод ее реализации в исторических трудах. Они не отказывались от прагматических целей — воспитания и просвещения общественного индивида, но конечной целью провозглашали создание общетеоретических принципов толкования истории. Назначение его они видели в указании че-

ловечеству путей к совершенствованию и тем самым к счастью¹. Объектом научного познания провозглашался поиск вечного и неизменного, основанного на природе вещей. Историографы обращались к разным временам и народам для того, чтобы вопреки бросающимся в глаза различиям между ними обнаружить *единство*; по их убеждению оно сводилось к человеческой природе, везде и всюду неизменной².

На историографическом уровне подавляющая часть работ была посвящена политической «подсистеме» общества – войнам и государственному устройству. Ориентация на политическую историю во многом сохранялась и на протяжении XIX в.³

Просветителей XVIII в. отличает избирательное отношение к историческим периодам. Они были уверены, что история варварских веков не заслуживает доверия⁴, поскольку о ней не сохранилось достоверных данных⁵. По их мнению, лишь классическая древность и Возрождение заслуживают внимания современников. Большая же часть прошлого в глазах просветителей была лишена притягательности, они воспринимали его как время глубокого сна человеческого духа и диких суеверий.

В противовес тому, что делали историки-теоретики, к изучению средневековых древностей с необыкновенным энтузиазмом приступили антиквары. Именно они оказались восприимчивыми к интеллектуальным сдвигам своего времени. «С неслышанной ранее энергией, целеустремленностью и трудолюбием, – пишет А. Барг, – антиквары занялись поисками, собиранием, упорядочением и публикацией документальной базы исторической науки»⁶. В конечном итоге они создали основание для того, чтобы историк превратился в знатка документов, их критического исследователя и исторического писателя.

Для философствующих историков реальной проблемой выступало только настоящее и желанное будущее, поэтому они не понимали смысла интереса к прошлому во имя познания. Прошлое имело для них

лишь иллюстративное значение. Это обстоятельство в значительной мере объясняет, почему историки, мыслившие как философы, столь презрительно относились к занятиям антиквариетов. Они были уверены, что антиквариет ухаживает от проблем собственного времени⁷.

Вальтер Скотт познакомился с новыми идеями шотландских историков во время обучения на юридическом факультете Эдинбургского университета. В 1790 г. Скотт стал членом знаменитого *Speculative Society* (“The Spec”) – клуба дискуссий по вопросам современных событий, философии, политики и литературы. Юридические навыки, которые он получил в конторе отца, позволили ему сблизиться с руководством клуба, и в 1791 г. он становится библиотекарем, а затем секретарем и казначеем общества. Это открыло ему доступ к хранившимся в библиотеке рукописям. Философское общество было тесно связано с Эдинбургским университетом, поскольку все профессора являлись его членами. В последующие пять лет Скотт не пропустил ни одного заседания. Темы прочитанных им тогда эссе (текст их утерян) говорят о его постепенном вовлечении в антикварные и литературные штудии. В 1791–1796 гг. он выступил с докладами на темы: «Происхождение феодальной системы» (*The Origin of the Feudal System*), «О подлинности поэм Оссиана» (*The Authenticity of the Poems of Ossian*, дважды), «О происхождении скандинавской мифологии» (*The Origin of Scandinavian Mythology*). Своими выступлениями молодой Вальтер Скотт очень гордился.

Антикварное движение, направленное на поиски и изучение старинных рукописей, национальной эпической традиции и фольклора возникло в рамках Кельтского Возрождения. Необыкновенный интерес в британском обществе к скандинавским и кельтским поэтическим древностям был вызван стремлением отбросить традиционную классическую мифологию, найти истоки своей литературы и, в частности поэзии. Вальтер Скотт в полной мере отдался

этому движению и более десяти лет посвятил собиранию и изучению шотландского фольклора. Огромное влияние на его фольклорные изыскания и методы работы с рукописями оказал сборник ирландского епископа Томаса Перси «Памятники старинной английской поэзии» (1765). Помимо старинных английских и шотландских баллад, образцов лирических жанров старинной английской поэзии, сборник Перси содержал и три исследования: о старинных английских менестрелях, о происхождении английского театра, о средневековых рыцарских стихотворных романах, а также комментарии к отдельным стихотворениям.

Исторический подход к разным этапам развития человеческого общества проявился в полной мере уже в самой первой работе Скотта — «Песнях Шотландского Пограничья» (1802–1803). После «Памятников» епископа Перси двухтомный (во втором издании — трехтомный) сборник Скотта стал самым полным собранием народной поэзии вплоть до конца XIX в. В «Песнях» он проявил мастерство редактора, изучившего все издания XVI–XVIII вв. старинной английской поэзии и народных баллад.

Предисловие (1802) к собранию песен горных шотландцев свидетельствует о том, что он изучил и все труды по истории Пограничья. В Предисловии Скотт рассказал историю самого могущественного и воинственного в Шотландии рода Дугласов, изложил важнейшие этапы борьбы за власть в стране после падения этого рода. Видное место в Предисловии занимает повествование о войнах с Англией, о поражении Шотландии, о правлении Марии Стюарт и так далее. Здесь же он поместил обзор различных исторических трудов Шотландии, рассказал об обычаях и снаряжении приграничных жителей, об их образе жизни, раскрыл источники приведенных в сборнике баллад, дал их обзор и классификацию.

Исследовательница творчества Вальтера Скотта Джейн Милгейт отмечает, что в Предисловии 1802 г. поэт демонстрирует прекрасное владение научным аппаратом

академической науки своего времени: он с легкостью оперирует данными исторических трудов своих предшественников, цитирует документальные источники и изречения великих людей, использует необходимое число латинских слов и выражений, старинных форм английского языка и т. д. В Предисловии Скотт выработал тот стиль повествования, который сохраняется в его последующих прозаических произведениях и свидетельствует о серьезном научном анализе излагаемых фактов⁸.

Воспитанный на достижениях шотландской исторической мысли, Скотт с полной силой проявил свой талант ученого-антиквара в комментариях и примечаниях к поэтическим текстам⁹. Исторический дискурс Предисловия продолжается в комментариях к балладам. В своем сборнике Скотт использует прием чередования исторической прозы и стихов. Сюжет поэтических текстов разворачивается, дополняется и поясняется в предисловиях и комментариях. Своеобразная повествовательная нить, протягиваясь от исторического предисловия к балладе, а от нее к комментариям и пояснениям в сносках, помогает связать разнородные элементы в единый текст. Независимые друг от друга повествования, приложения и дополнения создают цельную панораму жизни на территории Пограничья в Средние века. Это особенно характерно для раздела исторических баллад.

Впервые использованный в издании 1802 г. прием получил дальнейшее развитие при публикации третьего тома подражаний народным балладам (1803). Ободренный успехом первого издания, Скотт уже не сдерживал свой темперамент историка. Более того, он расширил раздел исторических баллад, включив пять песен о вооруженном сопротивлении шотландцев диктатуре Кромвеля в середине XVII в. В результате поэт вышел за пределы балладного мира Средневековья в область Новой истории. Проза вокруг каждой из нововведенных баллад настолько объемна и настолько связана с нею в единое целое,

что создается впечатление, будто баллады служат только иллюстрациями к изложению исторических фактов. Повествование, начинающееся с событий 1640-х гг. («Поход Лесли»), заканчивается поражением ковенантеров в 1680-х гг. («Битва у Босуэлбридж»)¹⁰. С каждым новым изданием сборник все больше походил на историческую прозу с поэтическими иллюстрациями. Пожалуй, ни над одним из своих сочинений, ни над одним из романов Скотт не работал с такой серьезностью и тщательностью, не переделывал так часто, не возвращался так упорно, как к сборнику «Песни Шотландского Пограничья».

Взгляд Скотта как ценителя древней художественной словесности и антиквара соответственно предполагает культурно-историческую интерпретацию событий, описанных в балладе и уже мало понятных читателям. О литературной значимости балладного жанра Скотт заговорил значительно позднее — в 1829—1830 гг.¹¹ Первоначальное Предисловие (1802) к «Песням Шотландского Пограничья» преследовало совершенно определенную цель — исторического введения в жизнь шотландских пограничников, их обычаи, быт и верования.

В современной философии комментарий к древним текстам рассматривается как конкретная текстовая форма (или жанр) интерпретации. Этот жанр представляет собой «интенциональность думания» (А. М. Пятигорский)¹². «Интенциональность думания» Вальтера Скотта по поводу народных баллад и собственных поэтических произведений — вопрос еще мало исследованный. Из нескольких научных статей Скотта, посвященных народной балладе, ее истории, поэтике и подражаниям, на русский язык, например, переведена всего одна — «Вводные замечания о народной поэзии» (1829). Однако обращает на себя внимание тот факт, что написанная Скоттом сопутствующая проза к «Песням Шотландского Пограничья» значительно превосходит объем поэтических текстов. Поэт, несомненно, рассчитывал на соотношение в чи-

тательском сознании всех частей публикуемого им произведения. Он давал себе отчет в том, что его читателям многие географические, исторические, этнографические, бытовые реалии в балладах, не говоря уже о психологии народа, создавшего их, будут непонятны без предисловий, введений, комментариев и примечаний.

Особое внимание в комментариях Скотт уделил предрассудкам, религиозным убеждениям, верованиям и магическим ритуалам, упоминаемым в балладах. Он был убежден, что отразившееся в песнях мировосприятие шотландцев теснейшим образом связано и с осознанием ими своего места в природе, с их религиозными представлениями и практикуемой ими магией. Другими словами, он предвосхитил идеи историков XX в. о том, что «невозможно понять историю Средневековья без изучения социокультурного аспекта поведения человека в обществе»¹³. Макс Вебер, завершая свой широко известный труд «Протестантская этика и дух капитализма», отметил, что «современный человек при всем желании обычно не способен представить всю степень того влияния, которое религиозные идеи оказывали на образ жизни людей, их культуру и национальный характер...»¹⁴.

Наибольшее количество пояснений, связанных с верованиями шотландцев, относится к разделу романтических баллад. В них сохранились отголоски суеверий, забытых уже в начале XIX в., как, например, в балладе «Молодой Бенджи» (*Young Benjie*), впервые опубликованной Скоттом. Она рассказывает о том, как Марджери поссорилась со своим возлюбленным Бенджи. Он очень огорчился и долго уговаривал девушку прийти на свидание. Когда Марджери все-таки пришла в лес, молодой Бенджи сбросил ее с обрыва в реку.

Братья выловили труп девушки и решили до утра, пока не наступил день похорон, выяснить, кто убийца. Они оставили дверь дома полуоткрытой, и в полночь мертвая девушка поднялась в гробу. Она ответила на все их вопросы, а также придумала на-

казание убийце — «выколоть оба его [прекрасных] серых глаза», привязать «зеленый шарф на его шею» и водить слепого за собой на шарфе, а в конце каждого седьмого года его жизни приводить на край глубокого ущелья¹⁵.

Нельзя не пожалеть о том, что Скотт не прокомментировал соответствующие стихи, или кто-нибудь другой не оставил комментариев к комментариям Скотта. Однако одно разъяснение относительно событий в балладе мы все-таки найдем в предисловии к ней.

Скотт сообщает, что читатель найдет в песне следы очень любопытного суеверия, которое в его время еще сохранялось в отдаленных районах Шотландии. Речь идет об обычае присмотра за покойником (*lykewake*). Это, само по себе очень печальное занятие, сообщает Скотт, без присутствия помощников становится просто ужасающим наказанием из-за следующего суеверия: предполагается, что в промежутке между смертью и погребением бестелесный дух бродит вблизи мест своего обитания, и если совершить определенные обряды, он возвращает себе способность общаться с живыми через органы умершего тела. Однако такие ритуалы совершаются в крайних случаях, когда возникает подозрение, что смерть наступила в результате «нечестной игры». Они чрезвычайно опасны для живых, поскольку при их совершении существа преисподней особенно активны и способны натворить много бед. Одна из самых действенных церемоний, дабы заставить мертвеца заговорить, — это оставить дверь приоткрытой или полуоткрытой. Именно поэтому крестьяне Шотландии очень тщательно следят за тем, чтобы двери в доме, где есть покойник, всегда были очень плотно закрыты или открыты нараспашку. Последнее всегда предпочтительно, поскольку в такие дни хозяева особенно гостеприимны. Помощники должны следить за тем, чтобы покойник никогда не оставался один, а если вдруг случилось, что мертвый сел в гробу, то все очень тщательно

следят за тем, чтобы не встретиться с ним глазами. Однако узнать имя человека, ускорившего гибель ныне покойного, они могут. У него родственники могут узнать и об обстоятельствах его трагической гибели¹⁶.

Скотт, комментируя народные суеверия, отголоски которых сохранились в балладах, знакомил читателей с особенностями шотландских обычаев, верований и воззрений на окружающий мир. Тем самым он раскрывал причины и мотивы поведения шотландцев, их отношение друг к другу и взаимоотношения с соседями, от которых всегда можно было ожидать предательства.

Причины, которые побудили его взяться за исторические исследования в связи с некоторыми балладными стихами, Скотт объясняет так: «В примечаниях и время от времени появляющихся научных статьях (*dissertations*) я стремился собрать вместе, возможно, не следуя какому-то определенному методу [работы], разнообразные сведения, касающиеся народных суеверий, и истории, сохранившиеся в легендах, которые, если их сейчас не собрать, очень скоро окажутся забытыми». Со смешанными чувствами, как признается поэт-антикварий, он кладет свой труд на алтарь родной страны, некогда гордой и независимой¹⁷.

Объективные же причины, побудившие Скотта столь большое внимание уделить историческому окружению баллад, очевидно, нужно искать в особенностях британской культуры того времени. Во-первых, литературная элита XVIII в. пренебрегала фольклором и как предметом эстетического наслаждения, и как источником исторических знаний. Теоретическое обоснование правоты Скотта в отношении к балладе как к важному историческому источнику появилось лишь в последнее время — на рубеже XX–XXI вв., когда начали проводить социологические исследования по уровню исторических знаний среди населения¹⁸. Оказалось, что вне академий и школ существует другая — «молчаливая» — история¹⁹. Не удивительно, что в XVIII–XIX вв., когда лишь половина населения Британии

умела читать и писать²⁰, достижения академической науки мало влияли на понимание народом своей истории. В балладах отразилась история в том виде, в каком ее воспринимал народ, — через яркие образы, события, окрашенные личными чувствами и эмоциями (В. В. Нуркова²¹). В силу эмоциональной окрашенности событий, описанных в балладе, народная память сохранила их и интерпретировала в отличном от принятого академической наукой смысле.

Во-вторых, на рубеже XVIII—XIX вв. читающая публика оказалась мало подготовлена к восприятию неклассической поэзии, что также обусловило необходимость комментариев к поэтическим текстам. Исторические пояснения показывают, что Скотт принял во внимание новые условия восприятия баллад, созданных в совершенно другой исторической обстановке и культурной среде, чем та, в которой пребывали его читатели. В Предисловии к «Песням Шотландского Пограничья» в издании 1833 г.²² знаменитый издатель народных баллад и фольклорист У. Мазеруэлл (W. Motherwell) писал, что для героических и романтических песен Шотландии счастьем было то, что работа по их собиранию вообще была предпринята; но гораздо большей удачей стало то, что собирать и готовить их к публикации начал человек, прекрасно подготовленный для того, чтобы показать их достоинства с самых разных сторон. Собрание песен Шотландского Пограничья стали «великим и благородным памятником» неутомимым исследованиям, прекрасной эрудиции, гению и вкусу Скотта²³.

Получив поддержку читателей в новом способе публикации стихотворных произведений на исторические темы, Скотт продол-

жил развивать свой метод в произведениях, тесно связанных с собранием «Песен» — издании старинного средневекового романа «Сэр Тистрам» (1804) и первом стихотворном романе «Песнь последнего менестреля» (1805). Первоначально он планировал включить их в третий том «Песен», но потом отказался от этой идеи и опубликовал отдельно. Он не хотел, чтобы два крупных произведения с комментариями «оттягивали подол (*kilt*)» сборника²⁴. Тем не менее обе публикации полны отсылок к Введению и комментариям в трехтомном собрании «Песен».

Важность примечаний и комментариев к старинным текстам понимали все издатели конца XVIII — начала XIX в. По их мнению, хорошие примечания, «украсят любое посредственное произведение»²⁵. Прозаическое обрамление стихотворного текста создает тот фон, на котором каждая деталь картины становится ярче и выпуклее, а сама картина — «живой».

Научная проза Скотта-антиквара к шотландским балладам и средневековому роману указала на необходимость новых подходов к изучению старинных текстов, на важность исторического дискурса и эстетическую ценность неклассических произведений. Благодаря обширному историческому материалу в комментариях и научным статьям в предисловиях, сборник «Песни Шотландского Пограничья», а также старинный роман «Сэр Тристрам» и первое подражание средневековым рыцарским романам «Песнь последнего менестреля» приобрели необыкновенную популярность среди читающей публики. Они способствовали появлению многочисленной группы исследователей фольклора, собирателей и подражателей в среде британских поэтов²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — С. 333–334.

² Там же. — С. 336.

³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 1. — С. 52–53.

⁴ Поскольку историография того времени, как правило, была лишена эмпирического (документального) основания, постольку сам термин «история» в восприятии последователей Декарта звучал как синоним неведения (*Барг М. А.* Указ. соч. — С. 320).

⁵ *Барг М. А.* Указ. соч. — С. 336.

⁶ Там же. — С. 323.

⁷ Там же. — С. 335. В силу такого отношения к истории в XVIII–XIX вв. в Англии, как и во многих других странах, дело собирания, обработки и издания исторических документов было поставлено плохо. За редким исключением эти документы в течение длительного времени издавались на средства частных лиц весьма незначительными тиражами. Даже в крупных университетских центрах — Кембридже и Оксфорде — методика работы с источниками была чрезвычайно примитивной (*Виноградов К. Б.* Очерки английской историографии Нового и Новейшего времени. — 2-е изд., пер. и доп. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. — С. 7–8).

⁸ *Millgate J.* Walter Scott. The Making of the Novelist. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1984. — P. 7.

⁹ *Johnston A.* Enchanted Ground. The Study of Medieval Romance in the 18th Century. — University of London: The Athlone Press, 1964. — P. 181.

¹⁰ *Millgate J.* Op. cit. — P. 8–9.

¹¹ К очередному изданию «Песен» он написал две статьи, представляющие фактически один связный текст: «Вводные замечания о народной поэзии» (*Introductory Remarks on Popular Poetry, and on The various collections of ballads of Britain, particularly those of Scotland*, 1829) и «Эссе о подражаниях старинным балладам» (*An Essay on Imitations of the Ancient Ballad*, 1830).

¹² Для древних текстов комментарий является не только важнейшей формой текста, но и главным способом существования (*Пятигорский А. М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 40).

¹³ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — С. 22.

¹⁴ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. — Ивано-Франковск, 2002. — С. 177.

¹⁵ “Ye maunna Benjie head, brothers,

Ye maunna Benjie hang,

But ye maun pike out his twa gray een,

And punish him ere he gang.

“Tie a green gravat round his neck,

And lead him out and in,

And the best ae servant about your house

To wart young Benjie on...

“And aye, at every seven years’ end

Ye’ll tak him to the linn;

For that’s the penance he maun dree,

To scug his deadly sin.” — *Young Benjie* // *The Poetical Works of Sir Walter Scott, Bart.* — Vol. 3. *Border Minstrelsy*. II. — Edinburgh: Adam and Charles Black, 1868. — P. 16–17.

¹⁶ *Ibid.* — P. 10–12.

¹⁷ *Scott W.* Introduction to *Minstrelsy of the Scottish Border* // *The Poetical Works of Sir Walter Scott, Bart.* — Vol. 1. *Border Minstrelsy*. 1. — Edinburgh: Adam and Charles Black, 1868. — P. 238.

¹⁸ Результаты социологических опросов, проведенных на рубеже XX–XXI вв., показали, что социальное представление о прошлом, связанное с событиями даже относительно недавнего прошлого, и воспоминания участников тех событий, отличаются от представлений о них профессиональных историков. Долгое время считалось само собой разумеющимся, что в современных обществах в отличие от традиционных одна из функций истории как научного знания состоит в том, чтобы она выполняла роль каркаса исторического сознания или массового представления о прошлом. Однако трансформация научного знания в социальные представления оказалась куда более сложной, чем представлялось ученым. Даже в XXI в., несмотря на существование всеохватывающей системы школьного образования, которое должно, по идее, служить инструментом трансля-

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных.

¹⁹ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. — Т.2. — СПб.: Наука, 2006. — С. 402–403.

²⁰ Там же. — С. 440.

²¹ Современная исследовательница социальной психологии В. В. Нуркова утверждает, что люди запоминают в основном социальные изменения в своей жизни, которые преломляются в их воспоминаниях через призму личностной значимости. Специфика автобиографического воспоминания заключается в том, что информация предстает не в виде холодного абстрактного знания, а непременно окрашенной личными чувствами, эмоциями и предстает в виде яркого образа. (См. подробно: *Алташина В. Д.* Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — С. 23).

²² После смерти Скотта в 1832 г.

²³ *Scott W.* *Minstrelsy of the Scottish Border.* With notes and introduction by Sir Walter Scott / Revised and edited by T. F. Henderson: In 4 vols. — 2nd ed. — Edinburgh-London: Oliver and Boyde, 1932. — V. 1. — P. XXXIX–XL. Как отметил Мазеруэлл, «Песни» являются наследством, которое оставил великий патриот последующим поколениям. Только в будущем, спустя много лет, когда замечательные предания, легенды о рыцарях и о любви, дикие суеверия, песни о трагических событиях в истории Шотландии полностью будут забыты, этот дар великого патриота будет по достоинству оценен. Будущие поколения будут учить эти произведения наизусть с чувством, похожим на религиозное; их странное и мистическое знание сохранится в сердцах как драгоценная запись о навсегда исчезнувшем времени; суровые легенды тех великих дней будут слушать с благоговейным и мистическим страхом как духа далекого предка, который из глубины гробницы издает волнующие душу напевы воинственной древности».

²⁴ *The Letters of Sir Walter Scott...* / Established wherever possible after original manuscripts and incl. many letters hitherto entirely unpublished or print. in abridged or garbled form. / Ed. By H.J.C. Grierson, assisted by Davidson Cook, W.M. Parker. — In 12 vols. — Vol. XII. — London: Constable, 1932–1937. — P. 221 (Centenary ed. I–XII) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.walterscott.lib.ed.uk/etexts/letters12.PDF>

²⁵ *Johnston A.* Op. cit. — P. 181.

²⁶ *Wellek R.* *A History of Modern Criticism: 1750–1950. The Age of Transition.* In 5 vols. — V. 3. — New Haven and London: Yale univ. press., 1965. — P. 88. См. также: *Bush D.* *Mythology and the Romantic Tradition in English Poetry.* — Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1969 [1937]. — P. 284.